

М. С. Морозова
Институт лингвистических исследований РАН
morozovamaria86@gmail.com

МЕХАНИЗМ И ФАКТОРЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ГОВОРОВ АЛБАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

В статье рассматриваются параллельные случаи грамматического заимствования, связанного с языковыми контактами в мультилингвальных сообществах двух сел — села Мандрица в Болгарии и села Каракурт на Украине. Предпринимается попытка выявить и описать механизмы и факторы заимствования болгарских местоименных клитик в островные албанские говоры этих сел, проверяется предположение о возможной корреляции между наблюдаемыми лингвистическими следствиями контакта и типами контактных ситуаций.

Ключевые слова: албанский язык, болгарский язык, гагаузский язык, языковые контакты, грамматическое заимствование, заимствование материи, заимствование модели, местоименные клитики, посесивный показатель, контактная ситуация, мультилингвизм, (не)равновесный билингвизм.

M. S. Morozova
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
morozovamaria86@gmail.com

Mechanisms and factors of grammatical borrowing in multilingual situation: A case of two Albanian varieties of the old diaspora

The paper analyzes two parallel cases of grammatical borrowing in the Albanian dialectal varieties spoken in the village of Mandritsa, Bulgaria, and in the village of Karakurt, Ukraine. The two village communities have been multiethnic and multilingual for the last several centuries. A brief description of the sociolinguistic situations shows that the Albanian variety of Mandritsa has been subject to contacts with Bulgarian and, to a lesser extent, Greek and (Ottoman) Turkish, while in Karakurt intimate contact of the Albanian variety with Bulgarian and Gagauz played a major role in the contact-induced change.

Besides the various contact-related structural features and numerous loanwords, one finds dative pronominal clitics borrowed from Bulgarian in the Albanian varieties under study. The clitics can be used as nominal

possessive modifiers, which is typical for Balkan Slavic and unusual for Albanian. Further analysis of data from the published dialectal texts and the author's unpublished fieldwork materials from Karakurt discovers peculiar structural effects, such as the incorporation of the possessive clitics into the Albanian nominal case forms in Mandritsa and the presence of double-marking in possessive noun phrases in Karakurt.

The paper describes and compares the possible mechanisms and factors of grammatical borrowing in the two Albanian varieties, and tests the hypothesis of a possible correlation between the linguistic consequences of language contact and the types of contact situations. It is suggested that grammatical borrowing in Mandritsa is related mainly to the Albanian-Bulgarian bilingualism, and the main factors were the incomplete L2 acquisition of Albanian by Bulgarian speakers and the different degrees of L2 acquisition of Bulgarian by early and late Albanian bilinguals. In Karakurt, multilingualism and the relatively balanced nature of the contact situation could contribute to the borrowing of Bulgarian pronominal clitics and the adoption of the model with double-marking of possessor due to the interlingual identification of Albanian, Bulgarian and Gagauz possessive constructions. In general, the studied case shows that considering contact situations as (non-)balanced and taking into account their internal heterogeneity makes it possible to shed some light on the mechanisms of the emergence of similar, but, upon closer examination, not identical linguistic consequences of language contact.

Keywords: Albanian, Bulgarian, Gagauz, language contact, grammatical borrowing, matter borrowing, pattern borrowing, pronominal clitics, possessive marker, contact situation, multilingualism, (non-)balanced bilingualism.

1. Постановка проблемы

В настоящей работе анализируются сходные, на первый взгляд, случаи контактнообусловленного изменения в идиомах двух сообществ, относящихся к албанской исторической диаспоре: албанском говоре села Мандрица в Болгарии и говоре албанцев села Каракурт на Украине. На протяжении нескольких столетий эти говоры существуют в отрыве от основного албано-язычного ареала, в ситуации интенсивного контакта с другими языками и диалектами, в первую очередь славянскими и тюркскими. Контактные явления, отмеченные в говорах, включают многочисленные лексические заимствования, в частности в терминологии родства, и ряд фонетических и грамматических инноваций (Morozova 2016a, 2016b).

Яркой особенностью албанских говоров Мандрицы и Каракурта является заимствование болгарских кратких форм

местоимений в дативе, которые в болгарском языке используются при местоименном удвоении объекта и в качестве маркеров посессивности. Ср. примеры (1) и (2).

(1) албанский говор Мандрицы

mēm=ti

мать=2SG.POSS

‘твоя мать’ (Sokolova 1983: 108)¹

(2) болгарский

maika=ti

мать=2SG.DAT

‘твоя мать’

Богатый эмпирический материал, накопленный балканистикой, свидетельствует о том, что для балканских языков и диалектов — как и для многих других — в целом не характерно заимствование местоимений, как и заимствование грамматических морфем. Личные местоимения в языках мира составляют немногочисленный закрытый класс слов, относящихся к базовой лексике и «глубоко укорененных» в языковой системе (Thomason, Everett 2001: 301). В литературе по языковым контактам местоимения чаще всего характеризуются как группа лексики, заимствование которой затруднено (англ. *hard-to-borrow*, см., например: Matras 2009: 203–208). Однако в определенных социолингвистических обстоятельствах местоимения и даже целые местоименные парадигмы могут заимствоваться, см. дискуссию и примеры заимствования в (Thomason, Everett 2001). Что касается контактнообусловленного заимствования грамматических слов и морфем, или «материи» (англ. *matter borrowing*, MAT — в противоположность заимствованию «модели», англ. *pattern borrowing*, PAT), которое интенсивно изучается в последние десятилетия (см. библиографию в: Gardani et al. 2015), принято считать, что грамматическое заимствование обычно не является одной из предпочитаемых говорящими стратегий (Matras 2015), однако существуют экстралингвистические и лингвистические факторы, которые могут ему способствовать (Thomason 2015). Попытки выделения таких факторов и установления взаимосвязи между ними предпринимались в ряде

¹ Диалектные примеры в статье цитируются с сохранением транскрипции источников.

работ, см. например (Gardani 2008). Все они, как правило, демонстрируют, что заимствование некоторых грамматических морфем в большей или меньшей степени возможно при условии реализации той или иной комбинации факторов, но не говорят о существовании сколько-нибудь устойчивых механизмов, определяемых спецификой мультилингвальной ситуации в сообществе, где происходит языковой контакт.

В нашей работе мы сопоставим лингвистические следствия, механизмы и факторы заимствования местоименных клитик в островных албанских говорах Мандрицы и Каракурта и попытаемся проверить предположение о возможной корреляции между следствиями контакта и типами контактных ситуаций. Основными источниками материала исследования, который анализируется в разделе 4, а также сведений об изучаемых сообществах в разделе 2 являются: монографическое описание говора Мандрицы, выполненное болгарской исследовательницей Б. Соколовой (Sokolova 1983), тексты на говоре албанцев Каракурта, записанные в 1950-е гг. Н. В. Котовой (Kotova 2018), неопубликованные полевые материалы автора, часть которых была собрана в Каракурте в 2011–2013 гг. (Morozova 2011), и публикации о говоре албанцев Украины (Morozova 2016a, 2016b), основанные на этих материалах. Предварительные замечания о местоименных клитиках, устройстве именной и глагольной группы в албанском, болгарском, турецком и гагаузском языках, представленные в разделе 3, базируются на описаниях этих языков и отдельных особенностей их грамматики (Kononov 1996; Pokrovskaya 1996; Maslov 2005; Tomić 2006, 2009). В разделе 5 в интерпретации механизмов грамматического заимствования мы опираемся на подход, описанный в (Matras, Sakel 2007), а при обсуждении экстралингвистических факторов — на работы (Rusakov, Morozova 2019; Morozova, Rusakov 2021), где нами предпринимались попытки связать разные следствия языкового контакта на Балканах с разными типами балканских контактных ситуаций².

² Автор благодарит Александра Юрьевича Русакова за ценные советы и замечания, высказанные в процессе написания настоящей статьи.

2. Мультилингвальные сообщества Мандрицы и Каракурта: общая характеристика

2. 1. Многоязычие в истории села Мандрица

В настоящее время Мандрица в общине Ивайловград является единственным селом в Болгарии, в котором сохраняется албанский язык. В историко-географическом плане село принадлежит к группе поселений с исторически албанским православным населением, расположенных в районе болгарско-греческо-турецкого пограничья. Большая часть находится в окрестностях Эдирне в современной Турции и сегодня, судя по всему, не имеет албаноязычного населения. Албанский филолог Д. Шутерики, изучив документы о сельской церкви и ее священниках, а также даты на самых старых надгробиях сельского кладбища, предположил, что Мандрица была основана в XVIII в., после русско-турецкой войны 1766–1769 гг. (Shutëriqi 1965). Основателями села, по местной легенде, были выходцы из района Корчи на юго-востоке Албании, который был и одним из основных источников переселения в Болгарию в конце XV — начале XVI в., о котором упоминается в 2.2.

С момента основания села албанский говор Мандрицы находился в контакте с болгарским и в некоторой степени с (османским) турецким и греческим языками. О греко-албанских межэтнических браках нет упоминаний, как и о браках с турками; последние были, впрочем, невозможны из-за конфессиональных различий. Поскольку вокруг располагались исключительно болгарские села, жители Мандрицы часто женились на женщинах из этих сел. В смешанных семьях существовало взаимное двуязычие: болгарские женщины усваивали албанский язык, а албанские мужчины — болгарский. По замечанию Д. Шутерики, точно характеризующему ситуацию усвоения второго языка взрослыми билингвами, «они [болгарки] говорят по-албански, но думают по-болгарски» (Shuteriqi 1965: 110). О смешанных браках упоминает и Б. Соколова, отмечая, что болгарские невестки (и зятья) в Мандрице обязательно усваивали албанский, чтобы говорить на нем со своими детьми и албаноязычными родственниками (Sokolova 1983: 9). При этом владение болгарским как вторым языком было необходимо, по крайней мере, мужской части албанского населения Мандрицы, чтобы поддерживать хозяйственные связи с окрестными бол-

гарскими селами и совершать поездки в более отдаленные районы Болгарии. Албанские женщины, которые традиционно вели более закрытый образ жизни, не выезжали за пределы села и не всегда имели школьное образование, могли почти не владеть болгарским языком. В начале второй половины XX в., по свидетельству Б. Соколовой, в селе еще можно было встретить пожилых албанок, плохо говоривших по-болгарски (Sokolova 1983: 9).

Болгарское влияние на албанский говор Мандрицы усилилось после Первой Балканской войны 1912 г., когда в регионе установилась болгарская администрация и открылась болгарская школа, а также, по-видимому, установилась юрисдикция Болгарской православной церкви. Заметим, что надписи в церквях Мандрицы, датируемые концом XVIII в., были сделаны по-гречески и на этом языке до 1912 г. велось богослужение; школа до этого момента также была греческой. С Грецией поддерживались торгово-экономические связи, а некоторые уроженцы Мандрицы получали образование в греческих учебных заведениях за пределами села (Sokolova 1983: 8). Тем не менее, влияние греческого языка следует признать менее интенсивным, чем влияние болгарского. Греческий не использовался в семьях Мандрицы в качестве домашнего языка. Им могли владеть только (некоторые) мужчины, причем роль этого языка в их языковом репертуаре, вероятно, была менее важной, чем роль турецкого.

Влияние (османского) турецкого — языка османской администрации до 1912 г. — на албанский говор Мандрицы было как непосредственным, так и опосредованным болгарским языком, в котором наличие турецкой лексики весьма значительно. Албанские мужчины ходили на заработки в турецкие села и вели торговлю с турками; по легенде, основатели Мандрицы поставляли провиант османской армии. Таким образом, турецкий для мужского населения села был языком торговли и хозяйственной деятельности (некоторые мужчины могли читать и писать по-турецки), в то время как женскому населению он оставался незнаком (Sokolova 1983: 8–9). В начале второй половины XX в. старшее поколение мужчин все еще владело греческим и турецким, но в остальном преобладало албанско-болгарское двуязычие (Sokolova 1983: 9).

Как видно, для мужского населения Мандрицы было характерно своего рода четырехязычие. Помимо родного албанского, мужчины владели на хорошем уровне болгарским языком и в некоторой степени, которая остается нам неизвестной, могли владеть греческим и/или турецким (при этом турецкий мог играть более важную роль, чем греческий из-за профессиональной специализации жителей села, связанной со снабжением османской армии). Албанские женщины в Мандрице оставались главными «хранительницами» албанского говора и могли быть монолингвальными, либо владеть также болгарским в качестве второго языка. Кроме этого, благодаря смешанным бракам, в селе постоянно присутствовало билингвальное население, для которого болгарский был первым, а албанский — вторым языком³.

2. 2. История албанско-болгарско-гагаузского многоязычия в селе Каракурт

Возникновение села Каракурт связано с миграцией православного албанского населения из южных и юго-восточных областей Албании в конце XV — начале XVI в. на северо-восток Балканского полуострова. Часть переселенцев осела в окрестностях Разграда и Варны на северо-востоке Болгарии. В начале XIX в. албанцы из этого региона вместе с болгарскими и гагаузами переселились в Южную Бессарабию, перешедшую от Османской к Российской империи в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., и основали село Каракурт (Жовтнево с 1946 по 2016 гг.). Подробные сведения и библиографию работ о переселении см. в Mogoza, Novik 2016.

Село с начала своего существования было мультилингвальным: помимо албанцев, здесь поселились гагаузы, болгары и представители других этносов. До настоящего времени албанцы составляют большинство населения Каракурта, а следующими по численности этническими группами остаются гагаузы и болгары, которые при этом доминируют в регионе. В первой

³ О владении другими языками у нас нет информации, но можно предположить, по аналогии с албанцами, что для болгарских мужчин было в большей степени характерно многоязычие, а для женщин, ведущих закрытый семейный образ жизни, болгарско-албанское двуязычие.

половине XX в. социально престижным языком (в школьном образовании, администрации, церкви) в селе, как и во всем регионе, был румынский⁴, во второй половине XX в. — русский⁵, в последние десятилетия — украинский язык. В связи с этим все поколения албанцев, ныне живущих в селе, владеют русским, а среднее и молодое поколение — также украинским. Некоторые пожилые жители села, посещавшие румынскую школу в 1930–1940-е гг., могут в некоторой степени владеть румынским. Титульные языки трех основных этносов Каракурта используются исключительно в бытовом общении с родственниками, односельчанами, жителями окрестных болгарских и гагаузских сел. Для значительной части взрослого населения характерно многоязычие, предполагающее владение двумя или более этническими языками, один из которых говорящий, как правило, считает родным и маркирующим его этническую принадлежность. См. примеры языковых репертуаров жителей села, включающие от трех до пяти языков в разной степени освоенности, в Morozova 2016a: 150.

О «болгарском» периоде в истории албанцев, основавших Каракурт, ничего в точности не известно. Считается, что в Болгарии албанцы селились в отдельных кварталах существующих болгарских (и, вероятно, гагаузских) сел, либо основывали свои села в иноязычном окружении (Morozova, Novik 2016: 224).

⁴ Румынский был языком администрации и школьного образования в 1918–1940 и 1941–1944 гг. Преподавание в каракуртской школе в эти годы велось учителями-румынами на румынском языке (Morozova 2016a: 149–150).

⁵ Распространение русского языка через систему образования началось в Каракурте в последние десятилетия XIX в. В 1882 г. в одном из частных домов открылась школа, а в 1897 г. в селе появилось одноклассное училище. В первой половине XX в. в школе преподавали на румынском, см. сноску 4. После Второй мировой войны начала работать русскоязычная школа-семилетка, где, помимо местных, были и приезжие учителя, говорившие только по-русски. Первую церковь в Каракурте построили в 1813 г. (по другим источникам в 1818 г.), и большинство священников начального периода происходили из болгар-переселенцев. Однако уже в начале XX в. в бессарабских колониях, в том числе в Каракурте, появились и русские священники. Служба велась на церковнославянском, но некоторые тексты могли читаться на болгарском и русском языках (Morozova 2016a: 149; Morozova, Novik 2016: 227).

Можно предположить, что албанско-болгарско-гагаузское многоязычие было характерно для албанского сообщества уже тогда; нельзя исключать и возможности смешанных браков.

После переселения в Южную Бессарабию албанцы в Каракурте оказались, по-видимому, в сходной этноязыковой ситуации. Албанско-гагаузские смешанные браки, по словам жителей села 1920–1930-х гг. рождения, не были широко распространены по крайней мере до 1940-х гг., но среди представителей их поколения уже стали нередкими. Аналогичных сведений об ограничении албанско-болгарских браков нет; возможно, они случались и в начале XX в. Смешанными часто оказывались вторые браки (вследствие смерти одного из супругов); сведения о таких браках имеются, по меньшей мере, с 1920-х гг. и не исключено, что такая практика существовала и ранее. В результате дети могли (не обязательно с рождения) усваивать два языка от разных родителей. Кроме этого, в отличие от гагаузов, исторически занимавших отдельный квартал за рекой, в восточной части Каракурта, болгары не только компактно проживали в северной части села, но и селились в одном квартале с албанцами, что способствовало взаимному усвоению языков в общении с соседями.

Детскому билингвизму способствовало посещение детьми из разных этнических групп школы (в Каракурте — с конца XIX в.), а в советское время и детского сада, и совместные игры на улице. Например, житель села 1956 г. рождения, детство которого проходило сначала в гагаузском квартале, где жила семья отца, а потом — в албанском квартале в семье матери, сообщил нам, что вначале он не знал албанского языка, но освоил его позже, оказавшись среди албанских детей. Из этого и других подобных сообщений также следует, что межэтнические браки как таковые не обязательно приводили к усвоению ребенком двух языков. Довольно долгое время браки были преимущественно вирилокальными, и в роли «хранительницы» этнического языка (например гагаузского) выступала свекровь, которая могла запрещать невестке использовать свой родной язык (например албанский) в общении с новой семьей и с детьми.

Таким образом, ситуация в Каракурте при ближайшем рассмотрении представляет неоднородную картину. Такие факторы, как смешанные браки, наличие этнически смешанного

квартала в центре села, совместное получение школьного образования и (не обсуждавшаяся выше) коллективная трудовая деятельность явно могут способствовать взаимному многоязычию членов сообщества, но ни один из этих факторов не является необходимым или достаточным условием его развития в каждом конкретном случае⁶. В целом представляется возможным заключить, что албанско-болгарско-гагаузское многоязычие могло быть в той или иной степени характерным для всех групп населения в Каракурте на протяжении всего существования села.

3. Предварительные замечания

3.1. Местоименные клитики в албанском и болгарском языках

Для албанского и болгарского языков характерно наличие — наряду с полными — клитических (кратких, сокращенных) форм датива и аккузатива личных местоимений. Ниже показаны полные и соответствующие им сокращенные местоименные формы в стандартном албанском (Таблица 1) и стандартном болгарском языке (Таблица 2). Можно заметить, что в албанском полностью отсутствует противопоставление кратких форм 3-го лица по роду, а в болгарском оно выражено в 3-м лице ед. числа. Различие между дативной и аккузативной клитиками присутствует в албанском только в 3-м лице, в то время как в болгарском различаются также датив и аккузатив в 1-м лице ед. числа и 2-м лице мн. числа.

Таблица 1. Дативные и аккузативные местоимения в албанском языке

	1SG	2SG	3SG.M	3SG.F	1PL	2PL	3PL.M	3PL.F
DAT	<i> mua,</i>	<i> ty,</i>	<i> atij, i</i>	<i> asaj,</i>	<i> neve,</i>	<i> juve,</i>	<i> atyre, u</i>	
	<i> më</i>	<i> të</i>		<i> i</i>	<i> na</i>	<i> ju</i>		
ACC			<i> atë, e</i>		<i> ne, na</i>	<i> ju, ju</i>	<i> ata, i</i>	<i> ato, i</i>

⁶ Вероятно, ситуация в Мандрице тоже отличается большей внутренней неоднородностью, чем описано в 2.1, но у нас нет возможности это проверить.

г. *Thiaj-i-ni.*

сказать-3SG.DAT-IMP.2PL
‘Скажите ему/ей.’

(4) болгарский

а. *Казва-м=му* *на Иван.*
сказать-PRS.1SG=3SG.M.DAT на Иван(М).SG
‘[Я] говорю (ему) Ивану.’ (Maslov 2005: 79)

б. *Показа-х=му=зо* *на него.*
показывать-PST.1SG=3SG.M.DAT=3SG.N.ACC на 3SG.M.ACC
‘[Я] показал(а) (ему) это ему (эмф.).’ (Tomić 2006: 268)

в. *Не му=зо=е* *да-л.*
NEG 3SG.M.DAT=3SG.N.ACC=быть.PRS.3SG давать-PTCP.M.SG
‘[Он] не дал ему это.’ (Tomić 2006: 262)

Помимо этого, дативные местоименные клитики в болгарском (но не в албанском) используются в качестве маркеров посессивности. Определяемое существительное при этом употребляется в определенной форме (5а); термины родства, которым «внутренне присуща» определенность (Tomić 2009: 101), могут выступать и в неопределенной форме (5б).

(5) болгарский

а. *кокошк-и-те=ни*
курица(F)-PL-DEF.F.PL=1PL.DAT
‘наши куры’ (Tomić 2006: 102)

б. *баца=ì*
отец(М).SG=3SG.F.DAT
‘ее отец’ (Tomić 2006: 101)

3. 2. Посессивная именная группа в албанском, болгарском и тюркских языках

В рамках именной группы (ИГ) с местоименным посессором принадлежность в албанском, болгарском и тюркских языках может выражаться специализированными притяжательными местоимениями. В болгарском, как показано в (5), функцию посессивного показателя могут выполнять также дативные местоименные клитики.

В албанском языке дативные клитики не используются в качестве посессивных маркеров; эту функцию выполняют исключительно притяжательные местоимения, согласуемые с определяемым существительным. Исконные албанские терми-

ны родства могут также сочетаться с препозитивным согласуемым показателем посессора 3-го лица, называемым в албанской грамматической традиции артиклем. Форма показателя зависит от рода, числа и падежа определяемого существительного (обладаемого), род и число обладателя не различаются (6).

(6) албанский

e=motr-a

3SG.F.NOM=сестра(F)-NOM.SG.DEF

‘его/ее/их сестра’

Для тюркских языков, в частности турецкого и гагаузского, характерно наличие специализированных аффиксов принадлежности (Таблица 3), которые употребляются в посессивной ИГ, присоединяясь к ее вершине, вместе с полной формой притяжательного местоимения или без нее. В именной словоформе аффиксы занимают позицию после числового и перед падежным показателем (7).

Таблица 3. Аффиксы притяжательности в турецком языке
(Kononov 1996: 406)

	SG	PL
1	-(i)m	-(i)miz
2	-(i)n	-(i)niz
3	-i, -si	-ları

(7) турецкий

ev-i-nin

дом-3.POSS-GEN

‘его/ее/их дома’ (Kononov 1996: 400)

Средством выражения посессивности в ИГ с именным посессором в тюркских языках — в частности турецком и гагаузском — является изафетная конструкция, в которой зависимое существительное (обладатель) употребляется в генитиве, а к вершине (обладаемому) присоединяется аффикс принадлежности (8). Типичный для тюркских языков порядок слов предполагает препозицию зависимого существительного; в гагаузском возможна, впрочем, и его постпозиция относительно вершины.

(8) гагаузский

а. *ev-i*

дом-3.POSS

‘его/ее/их дом’ (Pokrovskaya 1996: 232)

4. Грамматическое заимствование в албанских говорах Мандрицы и Каракурта

4.1. Местоименные клитики в инвентаре личных местоимений

Инвентари полных и кратких дативных и аккузативных форм личных местоимений в албанских говорах Мандрицы и Каракурта отражены в Таблицах 4 и 5. Через запятую приводятся: полная форма местоимения, краткая форма, используемая при местоименном удвоении объекта или для его обозначения, и (если зафиксирована) краткая форма, используемая в качестве приименного маркера посессивности.

Таблица 4. Дативные и аккузативные местоимения в говоре Мандрицы (Sokolova 1983: 80–82)

	1SG	2SG	3SG	
DAT	<i>múa/muvá/mva, mē</i>	<i>ty/tju, tē, ti</i>	<i>asájt/asát, ilhi/him, hi</i>	
ACC		<i>ty/tju/tjúnë, tē</i>	<i>atë, e</i>	
	1PL	2PL	3PL.M	3PL.F
DAT	<i>nëve, na/ni</i>	<i>júve/jíve/íve, ju</i>	<i>atjúrmevet, ilhi/him, hi</i>	
ACC			<i>atá, i</i>	<i>ató, i</i>

Таблица 5. Дативные и аккузативные местоимения в говоре Каракурта (Morozova 2016b: 465)

	1SG	2SG	3SG.M	3SG.F
DAT	<i>mu, mə</i>	<i>ty, tə, ti</i>	<i>as'íjt, i, i</i>	<i>as'ajt, i, i</i>
ACC			<i>at'ə, a</i>	
	1PL	2PL	3PL	
DAT	<i>n'ëvo, na</i>	<i>j'uve, u</i>	<i>at'yre, u/i</i>	
ACC			<i>at'o, i</i>	

Как можно видеть, система полных и кратких форм личных местоимений в говорах Мандрицы и Каракурта претерпела изменения по сравнению с общеалбанской (см. Таблицу 1 в разделе 3.1). Полная номинативно-аккузативная форма местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа *ne, ju* замещена в аккузативе генитивно-дативной формой *nëve, juve*. Общеалбанское противопоставление по роду в говоре Мандрицы устранено в дативе местоимений 3-го лица ед. числа (обобщилась форма ж. р. *asaj*),

а в говоре Каракурта — в аккузативе местоимений 3-го лица мн. числа (обобщилась форма ж. р. *ato*). Кроме этого, в 3-м лице мн. числа заметна тенденция к устранению дативно-аккузативного противопоставления кратких форм местоимений: она полностью реализована в Мандрице и не полностью в Каракурте.

В говоре Мандрицы местоименные формы, выделенные жирным шрифтом в Таблице 4, демонстрируют фонетическое сходство с дативными местоименными клитиками болгарского языка, в частности с теми вариантами, которые можно встретить в родопских диалектах (см. сравнение ниже). Б. Соколова полагает, что они заимствованы из болгарского (Sokolova 1983: 81, 106). Кроме того, почти все эти клитики (кроме *ni*, которая, по замечанию Соколовой, употребляется преимущественно в речи представителей молодого поколения, наиболее подверженной болгарскому влиянию) употребляются в посессивной функции, не характерной для албанских дативных клитик. Вероятно, они действительно могли возникнуть в говоре Мандрицы вследствие контакта с соседними болгарскими диалектами:

2SG	<i>ti</i>	~ болг. <i>ti</i>
3SG	<i>hi</i>	~ болг. <i>ù</i> , болг. диал. родопск. <i>xu</i>
1PL	<i>ni</i>	~ болг. <i>ni</i>
3PL	<i>him</i>	~ болг. <i>им</i> , болг. диал. родопск. <i>xим</i>

В говоре албанцев Каракурта в посессивной функции употребляются только две местоименные клитики, которые обнаруживают сходство с болгарскими дативными клитиками *ti* и *ù*, с собственно албанскими местоименными формами (полная форма номинатива *ti* ‘ты’, дативная клитика 3-го лица ед. числа *i*), а также (в случае клитики *i*) с гагаузским аффиксом принадлежности 3-го лица (Pokrovskaya 1996: 232). На данном этапе можно, по аналогии с Мандрицей, предположить, что определенную роль в появлении этих элементов в говоре Каракурта в функции посессивных маркеров сыграл контакт с болгарским языком:

2SG	<i>ti</i>	~ болг. <i>ti</i>
3SG	<i>i</i>	~ болг. <i>ù</i> ~ гагаузск. <i>-bi/-u</i>

4.2. Глагольная группа. Местоименное удвоение объекта

Собственно албанские краткие формы местоимений в говорах Мандрицы и Каракурта могут употребляться как в функции прямого и косвенного дополнений, так и при удвоении дополнения, выраженного полной формой местоимения или именной группой. Сохраняется общеалбанская модель с обязательным удвоением косвенного объекта и необязательным — прямого.

В говоре Каракурта употребление местоименных клитик и полных местоименных форм в глагольной группе не отличается от общеалбанской модели. Это касается как клитик, имеющих фонетическое сходство с болгарскими и гагаузскими элементами, так и клитик, не обнаруживающих такого сходства.

Употребление формы *ni*, которая есть только в говоре Мандрицы, в описании и в диалектных текстах (Sokolova 1983) представлено лишь примерами, где она маркирует косвенное дополнение (11). Основная причина, возможно, состоит в том, что соответствующая полная форма местоимения «мы» в целом используется редко и только при эмфатическом выделении.

- (11) албанский говор Мандрицы
ni=mbłós
 1PL.DAT=собирать.PRS.3SG
 ‘он(а) нас собирает’ (Sokolova 1983: 81)

Примеры Б. Соколовой с формами *hi* и *him*, имеющимися только в Мандрице, показывают, что они не несут собственного ударения, как клитики, но регулярно дублируются албанской дативной клитикой *i*, которая в этом говоре употребляется с косвенными объектами в ед. числе и во мн. числе (см. Таблицу 4), как полные местоименные формы. Форма *him* маркирует косвенный объект мн. числа, в то время как *hi* может употребляться как для ед. числа, так и для мн. числа; противопоставление по роду, характерное для болгарского, отсутствует (12). Оба элемента употребляются исключительно после глагола (напомним, что соответствующие местоименные клитики в болгарском языке могут быть как проклитиками, так и энклитиками в глагольной группе, см. 3.1). Албанские полные формы местоимений, *asájt* и *atjúrmevet*, употребляются, по-видимому, реже, чем *hi* и *him*; они используются для эмфатического выделения и находятся обычно перед глаголом и соответствующей албанской дативной клитикой *i* (12г).

- (12) албанский говор Мандрицы
- а. *I=jép=him.*
3.DAT=давать.PRS.3SG=3PL.DAT
'[Он(а)] (ему/ей/им) дает им.'
- б. *I=jép=hi.*
3.DAT=давать.PRS.3SG=3.DAT
'[Он(а)] (ему/ей/им) дает ему/ей/им.'
- в. *I=só-të=hi.*
3.DAT=говорить-PRS.3SG=3.DAT
'[Он(а)] (ему/ей/им) говорит ему/ей/им.' (Sokolova 1983: 105)
- г. *Asájt i=só-jně.*
3SG.DAT 3.DAT=говорить-PRS.3PL
'[Они] ему/ей (ему/ей/им) говорят (эмф.).' (Sokolova 1983: 81)⁹

4. 3. Именная группа. Местоименный посессор и двойное маркирование

И в Мандрице, и в Каракурте отмечено нетипичное для албанского языка употребление энклитических показателей, напоминающих болгарские дативные клитики, в посессивной функции. Особенности употребления, однако, различаются.

В говоре Мандрицы имеются общеалбанские притяжательные местоимения (Sokolova 1983: 94–105) и отсутствует конструкция с препозитивным связующим артиклем, описанная в 3.2 (см. пример (6)). Дативные клитики в ИГ с местоименным посессором употребляются в сочетании как с заимствованными, так и с исконными терминами родства (13); возможно и употребление с другими существительными, например *shpí* 'дом'. В косвенных падежах клитика оказывается внутри именной словоформы, между основой и албанским падежным показателем (13в). Это напоминает поведение посессивного аффикса в тюркских языках, см. пример (7) в разделе 3.2.

- (13) албанский говор Мандрицы
- а. *mótr-a=hi*
сестра(F)-NOM.SG.DEF=3.POSS
'его/ее/их сестра'

⁹ Перевод в Sokolova 1983: (12а) 'Я даю им', (12б) 'Он дает им', (12в) 'Он(а) говорит ему/ей', (12г) 'Они говорят ей'.

- б. *vëllezëra-t=hi*
 брат(М).PL-NOM.PL.DEF=3.POSS
 ‘его/ее/их братья’ (Sokolova 1983: 105)
- в. *mëm-ti-së*
 мать(Ф)-2SG.POSS-OBL.SG.DEF
 ‘твоей матери’ (Sokolova 1983: 108)

Словосочетания с именным посессором строятся так, как показано в (14). И в говоре Мандрицы, и в говоре Каракурта (см. ниже) в структуре ИГ наблюдается тенденция к употреблению в препозиции к определяемому слову как согласованного адъективного, так и несогласованного определения. Как показано в 3.2, последнее возможно в болгарском языке и типично для тюркских. Употребление несогласованного определения в постпозиции (14в), соответствующее единственно возможному порядку слов в ИГ этого типа в албанском, в говоре Мандрицы встречается очень редко. Единичны и примеры с сохранением связующего артикля перед несогласованным определением (14б); чаще всего артикль опускается (14а).¹⁰

(14) албанский говор Мандрицы

- а. *mámë-s* *mótrë*
 мать(Ф)-OBL.SG.DEF сестра(Ф).SG
 ‘сестра матери’ (Sokolova 1983: 60)
- б. *në të Dóllo-s* *báhçe-t*
 в L Доло(Ф)-OBL.SG.DEF сад(Ф)-LOC
 ‘в саду Доло’ (Sokolova 1983: 61)
- в. *me* *tóglj-a* *bíl-a* *mbrët-itë*
 CMPR маленький-Ф.NOM.SG.DEF дочь(Ф)-NOM.SG.DEF царь(М)-OBL.SG.DEF
 ‘самая младшая дочь царя’ (Sokolova 1983: 76)

Посессивный маркер 3-го лица (обязательный в тюркских языках и возможный в болгарском, см. примеры (8) и (10б)) в этом албанском говоре, как правило, не употребляется в ИГ с именным посессором. Исключением являются примеры с несколькими посессорами, описывающие обычно родственные

¹⁰ По мнению Б. Соколовой, это явление могло возникнуть после переноса определения в препозицию (Sokolova 1983: 70). Однако элизия связующего артикля (особенно *e*, *i*) — распространенное явление в албанской диалектной речи в целом, в том числе в тоскских говорах Девола (Gjinari 1960: 112), Дангелы (Floqi 1958: 92) и др.

отношения (15), где один из посессоров удваивается интраклитикой. По замечанию Б. Соколовой, такие примеры параллельны болгарским конструкциям с двумя посессорами (16), в которых, однако, местоименная клитика всегда энклитически примыкает к своей вершине.

(15) албанский говор Мандрицы

а. *djádo-s* *vllá-hi-s* *djál*
 дед(М)-OBL.SG.DEF брат(М)-3.POSS-OBL.SG.DEF сын(М).SG
 ‘сын брата деда’

б. *djádo-s* *vllá-hi-s* *grúvë*
 дед(М)-OBL.SG.DEF брат(М)-3.POSS-OBL.SG.DEF жена(Ф).SG
 ‘жена брата деда’ (Sokolova 1983: 63)

(16) болгарский

а. *на дядо* *на брат=му* *момче*
 на дед(М).SG на брат(М).SG=3SG.M.DAT сын(М).SG
 ‘сын брата деда’

б. *на дядо* *на брат=му* *жена*
 на дед(М).SG на брат(М).SG=3SG.M.DAT жена(М).SG
 ‘жена брата деда’ (Sokolova 1983: 63)

В говоре Каракурта клитические посессивные показатели сочетаются в основном с заимствованными терминами родства (17б–г). С исконными терминами родства и другими группами лексики чаще употребляются албанские притяжательные местоимения, а для наименований близких родственников сохраняется, кроме этого, албанская конструкция с препозитивным связующим артиклем (Morožova 2016b: 466). Ср., однако, пример (17а).

Посессивный показатель помещается после существительного, как дативная клитика в аналогичных болгарских ИГ (см. пример (5) в разделе 3.1) и гагаузский аффикс принадлежности *-(с)ы* в номинативе (пример (8) в разделе 3.2). Судя по примеру (17г), показатель 3-го лица *i* не имеет противопоставления по числу, как и аналогичный маркер *hi* в говоре Мандрицы.

(17) албанский говор Каракурта

а. *motr-a=ti*
 сестра(Ф)-NOM.SG.DEF=2SG.POSS
 ‘твоя сестра’ (Kotova 2018: 72)

- б. *bratic_netk-a=i* *asaj-a*
 двоюродная.сестра(F)-NOM.SG.DEF=3.POSS ee-NOM.SG.DEF
 ‘ее двоюродная сестра’ (Kotova 2018: 115)
- в. *i=t_na-mw* *mamo-s=i,*
 3SG.DAT=сказать.PST-PST.1PL мать(F)-OBL.SG.DEF=3.POSS
mamu-i *jert*
 мать(F).SG=3.POSS прийти.PST.3SG
 ‘[мы] сказали ее матери, ее мать пришла’ (Kotova 2018: 119)
- г. *ot a=qel-wn* *mamo-s-i*
 FUT 3SG.ACC=нести-PRS.3PL мать(F)-OBL.SG.DEF=3.POSS
 ‘[они] отвезут это своей матери’ (Kotova 2018: 181)

В посессивных ИГ с именным посессором, как уже было сказано, несогласованное определение обычно употребляется в препозиции к определяемому слову (18а, 18б). ИГ с постпозицией определения (18в) можно встретить очень редко, об этом см. напр.: Voronina et al. 1996: 129–130. Для говора Каракурта, в отличие от Мандрицы, характерно употребление несогласованного определения вместе со связующим артиклем (18а), а опущение артикля происходит нечасто (18б).

- (18) албанский говор Каракурта
- а. *sə* *kats'ikə-s* *kl'uməftə*
 L.F.OBL.SG коза(F)-OBL.SG.DEF молоко(N).SG
 ‘молоко козы’ (Morozova 2016б: 464)
- б. *komshi-ut* *qen-i*
 сосед(M)-OBL.SG.DEF собака(M)-NOM.SG.DEF
 ‘собака соседа’ (Voronina et al. 1996: 132)
- в. *b'ul^h-a* *'ut^ho-s*
 жена.дяди(F)-NOM.SG.DEF брат.матери(M)-OBL.SG.DEF
 ‘жена брата матери’ (Morozova 2016б: 463)

Особенностью говора Каракурта является конструкция с именным посессором, которую можно интерпретировать как случай двойного маркирования (19). Ее употребление ограничено примерами с терминами родства. К вершине присоединяется посессивный показатель 3-го лица ед. числа *i*, который демонстрирует поверхностное сходство не только с болгарской дативной местоименной клитикой *i*, но и с тюркским посессивным аффиксом 3-го лица *i*.

Подобные конструкции отмечены в Morozova 2016б и Kotova 2018, также в албанских селах Приазовья, которые

представляют собой филиацию Каракурта, возникшую в 60-е гг. XIX века. По крайней мере два из трех сел Приазовья были основаны как моноэтничные (Morozova, Новик 2016), т.е. в дальнейшем их албанские идиомы практически не были подвержены контакту с болгарским и гагаузским — в отличие от Каракурта, где контактная ситуация продолжала существовать. На этом основании мы можем заключить, что конструкции, показанные в (19) и (20), могли возникнуть достаточно рано — в «болгарский» период или в первые десятилетия албанско-болгарско-гагаузского контакта в Каракурте.

(19) албанский говор Каракурта

- а. *vn'uk-ut* *n'us-i*
внук(М)-OBL.SG.DEF невестка(Ф).SG-3.POSS
'жена внука'
- б. *s'im'a-s* *n'use* *m'amu-i*
мой.Ф.OBL-OBL.SG.DEF невестка(Ф).SG мать(Ф).SG-3.POSS
'мать моей невестки' (Morozova 2011)

(20) албанский говор Приазовья

- a* *tʃ'urə-s* *m'amu-i*
L.F.NOM.SG девушка(Ф)-OBL.SG.DEF мать(Ф).SG-3.POSS
'мать девушки' (Morozova 2016b: 464)

5. Обсуждение

5.1. Лингвистические механизмы и факторы грамматического заимствования

В разделе 4 мы рассмотрели параллельные случаи контактноязыкового изменения, в которых имело место как заимствование модели (pattern borrowing), так и заимствование материи (matter borrowing). В одной из рассмотренных контактных ситуаций языком-реципиентом является албанский тоскский говор села Мандрица в Болгарии, а возможными языками-донорами — болгарский и (османский) турецкий. Во втором языке-реципиент — албанский тоскский говор села Каракурт, а в качестве потенциальных языков-доноров выступают болгарский и гагаузский. Говоры Мандрицы и Каракурта близки в диалектном плане, т. к. предки их современных носителей происходили из одного региона на юго-востоке Албании. Это позволяет нам не учитывать фактор внутриапбанских диалектных различий в дальнейшем анализе лингвистического механизма описанных контактных явлений.

Заимствование материи (вместе с моделью) представляется наиболее очевидным сценарием в случае элементов *hi*, *him* в **говоре Мандрицы**. Их форма совпадает с дативными местоименными клитиками 3-го лица в окружающих родопских диалектах болгарского. Конструкции, в которых они встречаются (маркирование посессора в именной группе, употребление в постпозиции к глаголу в глагольной группе, дополнительное маркирование одного из двух именных посессоров), также соответствуют болгарским.

Поскольку грамматическое заимствование в говоре Мандрицы ограничено дативными клитиками, можно предположить, что в процессе контактного изменения опорной конструкцией послужила ИГ с местоименным посессором, в которой используются именно дативные формы. Вероятно, главную роль здесь сыграли сочетания с терминами родства, представляющими собой прагматически значимую и высокочастотную группу лексики. Болгарские термины родства могли употребляться в албанской речи — как в вокативной функции, так и (вместе с дативными посессивными клитиками) в референтивной — вначале в виде неадаптированных включений, а затем и в виде устоявшихся заимствований, с возможностью использования клитик *ti*, *hi* не только с заимствованными, но и с исконными албанскими существительными.

На ограничение набора заимствованных посессивных маркеров клитиками *ti*, *hi* могли оказать определенное влияние структурные и прагматические факторы. Указание на то, что посессором является адресат (*ti*), часто встречается в речи, обращенной к собеседнику; дополнительное маркирование посессора 3-го лица (*hi*), как показано в примере (15), имеет важную функцию снятия неоднозначности. Обобщение болгарской клитики ж. р. *ù* (родопск. *xu*) следует связывать, в первую очередь, с отсутствием противопоставления по роду у местоименных клитик в языке-реципиенте (албанском). Кроме этого, в говорах Мандрицы и Каракурта замечена утрата противопоставления по роду у полных форм местоимений, и обобщается при этом также форма женского рода. Наконец, частичное фонетическое сходство албанской клитики *i* и болгарской (*xu*), более полное и значимое в Каракурте, вероятно, имело некоторое значение и в говоре Мандрицы.

Яркой особенностью говора Мандрицы является использование *ti*, *hi* внутри именной словоформы, напоминающее употребление тюркских аффиксов принадлежности. Весьма соблазнительно связать это явление с влиянием турецкого языка, которым владело, по крайней мере, мужское население села (см. 2.1). Другое вероятное объяснение заключается в том, что комплексы, состоящие из заимствованных терминов родства и клитик, могли обладать для говорящих высокой степенью связанности и поэтому использовались в качестве нечленимых основ при образовании албанских форм косвенных падежей. Примеры (13а) и (13б) с исконными терминами родства, где клитика не помещается внутрь словоформы, подтверждают это предположение. Обсуждение этой черты будет продолжено в 5.2.

Часть предложенных выше объяснений релевантна и для ситуации в **Каракурте**, где набор посессивных маркеров также ограничен формами 2-го и 3-го лица (*ti*, *i*), а их употребление связано преимущественно с терминами родства, заимствованными из болгарского. Существенные отличия от Мандрицы состоят в том, что никаких изменений не происходит в составе глагольной группы, а в именной группе не зафиксировано употребление посессивных маркеров внутри словоформы, но отмечена конструкция с двойным маркированием, напоминающая тюркскую конструкцию с генитивным посессором и притяжательным аффиксом, присоединяемым к вершине.

Употребление болгарских клитик не только в именной, но и в глагольной группе в говоре Мандрицы, судя по всему, связано с высокой интенсивностью болгарского влияния. Это хорошо видно на примере клитики *ni*, которая появилась в речи молодого поколения, владеющего болгарским языком, вероятно, лучше, чем албанским говором. Отсутствие такого употребления в Каракурте позволяет предположить, что болгарское влияние было здесь менее интенсивным или носило иной характер, см. 5.2.

Заимствование модели с двойным маркированием посессора можно интерпретировать с точки зрения подхода, предложенного в (Matras, Sakel 2007). Согласно этому подходу, механизм контактноязыкового изменения включает выявление в языке-доноре «опорного» элемента (англ. *pivot*) и соотнесение его с элементом в языке-реципиенте (*pivot-matching*), которому в итоге приписывается аналогичная роль «опоры» в новой

конструкции языка-реципиента. В первом приближении, таким опорным элементом является посессивный аффикс 3-го лица *-ы* в гагаузской изафетной конструкции, а соответствующим элементом в языке-реципиенте (албанском говоре) — заимствованная из болгарского дативная клитика *i*. Они отождествляются не только по функции (маркирование посессивности) и позиции в ИГ, но и на основе фонетического сходства. Возможно, однако, что некоторую роль играет и соотношение этих элементов с албанским показателем определенности существительных м. р. *-i*, который функционально им не тождествен, но также занимает конечную позицию в именной словоформе, которая является вершиной ИГ (в том числе посессивной), и обладает фонетическим сходством с ними¹¹. Для удобства повторим ниже примеры с отождествляемыми, по нашему мнению, грамматическими элементами.

(8) гагаузский

- а. *ев-и*
 дом-3.POSS
 ‘его/ее/их дом’ (Pokrovskaya 1996: 232)

(10) болгарский

- б. *сестра=и* *на Ана*
 сестра(F).SG=3SG.F.DAT на Анна(F).SG
 ‘сестра Анны’ (Tomić 2006: 104)

(18) албанский говор Каракурта

- б. *komshi-ut* *qen-i*
 сосед(M)-OBL.SG.DEF собака(M)-NOM.SG.DEF
 ‘собака соседа’ (Voronina et al. 1996: 132)

(19) албанский говор Каракурта

- а. *vn'uk-ut* *n'us-i*
 внук(M)-OBL.SG.DEF невестка(F).SG-3.POSS
 ‘невеста внука’ (Morozova 2011)

Аналогичный механизм мог действовать и в Мандрице, «опираясь» на болгарские посессивные ИГ с местоименным дублированием именного посессора (10б). Однако в албанском говоре Мандрицы мы не находим конструкций, структурно

¹¹ Фонетическое сходство в (Matras, Sakel 2007: 856) рассматривается как маргинальный фактор, но в нашем случае, как кажется, он имеет большое значение.

подобных примеру (10б) или примеру (19) в Каракурте. Этим косвенно подтверждается наше предположение о том, что в албанском говоре Каракурта моделью для примеров с двойным маркированием посессора стали именно гагаузские конструкции, где присоединение аффикса притяжательности к вершине посессивной ИГ обязательно (в болгарском местоименное дублирование посессора обязательным не является). Параметры контактных ситуаций, которыми могли быть обусловлены различия в механизме и следствиях контактноязыкового изменения в албанских говорах Мандрицы и Каракурта, рассматриваются в следующем разделе.

5.2. Социолингвистические факторы и контактная ситуация

Как следует из описания в разделе 2, рассматриваемые сообщества внутренне неоднородны. Сообщество Мандрицы составляют монолингвальные албанские женщины (и, возможно, мужчины); мультилингвальные мужчины, владеющие помимо албанского болгарским, турецким и/или греческим языками (в разной степени и в разных комбинациях); билингвальные албанские женщины, в некоторой степени владеющие болгарским; билингвальные болгарские женщины, для которых албанский является вторым, причем поздно усвоенным языком. Для большинства албанцев Мандрицы болгарский, вероятно, длительное время (до внедрения всеобщего школьного образования на болгарском) оставался вторым языком, как по времени усвоения, так и с точки зрения роли в индивидуальном языковом репертуаре. Помимо этого, среди местных жителей могли быть и билингвы, которые в одинаковой мере усвоили оба основных языка сообщества — албанский и болгарский — в раннем детстве, благодаря межэтническим бракам и распространенной в смешанных семьях практике внутрисемейного общения на языках обоих супругов.

С точки зрения классификации контактных ситуаций, предложенной в Morozova, Rusakov 2021, ситуация в Мандрице может быть охарактеризована как полигlossная, или несбалансированная. Социолингвистически доминантным (в сообществе в целом) является болгарский — язык окружающего этнического большинства, а с начала XX в. также социально престижный язык образования, администрации и церкви. Параметры

лингвистической доминации (в языковых репертуарах индивидуальных говорящих) постепенно менялись от доминации первого (албанского) языка к доминации второго (болгарского). Возникновение интересующих нас явлений относится к периоду, когда смена доминации у албаноязычного населения Мандрицы еще не произошла. Однако в типичных полигlossных ситуациях с лингвистической доминацией первого языка, в которых билингвизм является скорее направленным «вовне», на обеспечение внешних связей языкового сообщества, чем внутренне присущим ему (Morozova, Rusakov 2021: 1012), обычно не наблюдается случаев грамматического заимствования из недоминантного языка. Ср. ситуацию в Голо Бордо на востоке Албании. Как представляется, заимствование местоименных клитик в Мандрице следует связывать именно с неоднородностью сельского сообщества и наличием в нем разных типов билингвальных говорящих.

В частности, модель с инкорпорацией посессивных клитик в именную словоформу могла возникнуть скорее в речи «неравновесных» билингвов с первым албанским языком, воспринимавших частотные сочетания терминов родства с клитиками в болгарской речи как нечленимые элементы. Использование болгарской модели с исконными албанскими существительными, без включения клитики в именную словоформу с большей вероятностью связано с речью билингвов, примерно в одинаковой степени владеющих двумя языками сообщества, албанским и болгарским. Наконец, употребление болгарских клитик наряду с албанскими в глагольной группе можно связать с особенностями речи болгарских женщин, не полностью усваивавших албанский как второй язык.¹²

Роль греческого и турецкого языков в заимствовании и адаптации грамматических элементов в говоре Мандрицы представляется менее весомой. Этими языками владели мужчины, которые пользовались ими лишь в ходе хозяйственной деятельности за пределами села. Учитывая, что в усвоении языка(-ов) детьми ведущую роль играет язык матери и в целом языки,

¹² Заметим, что и тенденция к использованию болгарской клитики *ni* вместо албанской *na*, наблюдаемая в речи молодых албанцев в 1950-е гг., явно связана с доминацией болгарского и неполным владением албанским языком.

на которых происходит коммуникация внутри семьи, можно заключить, что овладение греческим и турецким в раннем детстве не было характерно для данной ситуации. Маловероятно и то, что какой-либо из этих двух языков доминировал в языковом репертуаре самих мультилингвальных мужчин и мог стать языком-донором моделей или, тем более, грамматических элементов.

Главное отличие ситуации в Каракурте состоит в том, что наряду с албанским и болгарским в число основных языков мультилингвального сельского сообщества входит гагаузский язык. Межэтнические браки здесь, по-видимому, имеют большее значение для развития многоязычия, чем в Мандрице. С увеличением их числа в сообществе росло и число поздних билингов: билингвальных женщин, которые вдобавок к родному усваивали во взрослом возрасте язык семьи супруга, а также билингвальных мужчин, которые зачастую общались с супругой на ее первом языке. Если женщинам в смешанных семьях не запрещалось говорить на своем родном языке с детьми, то дети с большой вероятностью становились ранними билингвами. В семьях, где запреты существовали, дети усваивали один язык — в первую очередь от матери, для которой этот язык был вторым. Помимо этого, существовала возможность в любом возрасте усвоить, помимо родного (например албанского), один или два языка других этнических групп (болгарский, гагаузский), общаясь со сверстниками в школе и в уличных играх, на танцах, в трудовой деятельности.

Контактная ситуация в Каракурте может быть охарактеризована скорее как неполиглотская, или сбалансированная. Безусловно, определенную роль в ней играли и продолжают играть социально престижные языки, а также островной характер албанского говора, существующего в иноязычном окружении. Однако, в отличие от Мандрицы, мультилингвизм в сообществе Каракурта является его ингерентным свойством, которое обусловлено изначально полиэтническим составом населения. На протяжении всего времени существования в селе в различных соотношениях присутствовали монолингвальные, билингвальные и мультилингвальные представители трех основных этнических групп. Как следствие, распределение титульных языков этих групп в коммуникации внутри сообщества было более «равновесным» чем в Мандрице.

Судя по тому, что интересующие нас явления встречаются и в говоре албанских сел Приазовья, их развитие должно было произойти относительно рано. Это позволяет нам исключить из рассмотрения фактор позднейшего влияния социально престижных языков (румынского, русского, украинского) и прийти к выводу, что именно албанско-болгарско-гагаузское многоязычие является главным обстоятельством, обусловившим рассматриваемые контактные изменения в албанском говоре Каракурта. Основная роль в адаптации болгарской модели маркирования посессора дативной клитикой в Каракурте, вероятно, принадлежала «равновесным» билингвам. Стратегии употребления заимствованных элементов, связанные в Мандрице, на наш взгляд, с неполным усвоением одного из языков (интраклитики в именной словоформе и клитики в глагольной группе), полностью отсутствуют в Каракурте, а в структуре ИГ с именным посессором прослеживается, наряду с болгарским, гагаузское влияние. В целом, механизм уподобления посессивных ИГ трех контактирующих языков, описанный в 5.1, напоминает конвергентные процессы, наблюдаемые в мультилингвальных сообществах Балкан, которые были ранее охарактеризованы нами как сбалансированные. Ср., например, лингвистические следствия албанско-славянских контактов в селе Веля-Горана на юге Черногории (Morozova 2021). Это хорошо согласуется с высказанным выше соображением о сбалансированном характере контактной ситуации в Каракурте.

6. Заключение

Обобщая наши наблюдения над случаями грамматического заимствования в двух островных албанских говорах, можно сделать следующие выводы. Ни в одной из рассмотренных ситуаций заимствование материи (*matter borrowing*) не приводит к возникновению новых категорий в языке-реципиенте и не включает перенос всего набора элементов (местоименных клитик) из языка-донора в язык-реципиент. В обоих случаях заимствование материи происходит вместе с заимствованием не характерной для албанского языка болгарской модели (*pattern borrowing*) с несогласованным приименным маркером посессивности. Местоименные клитики языка-донора (болгарского) при этом демонстрируют фонетическое сходство и частичное сход-

ство функций с клитиками языка-реципиента (употребление при дублировании именного и местоименного косвенного объекта и при местоименном маркировании косвенного объекта), но их структурные и остальные функциональные характеристики различаются.

В нашей работе (Rusakov, Morozova 2019), где впервые был упомянут пример Мандрицы и Каракурта, мы высказали предположение о том, что мультилингвальная ситуация может способствовать грамматическому заимствованию. Механизм взаимодействия трех языков был охарактеризован следующим образом: «при столкновении с новым языком (L3) билингвальные носители актуализируют свои знания обоих языков, имеющих в их языковой компетенции (L1 и L2). В случае определенных сходств в категориальных системах L2 и L3 именно L2 может служить им источником языкового материала при установлении эквивалентности между фрагментами грамматических систем L1 и L3» (Rusakov, Morozova 2019: 80). Это предположение, как мы замечали и ранее, должно быть проверено путем детального анализа с привлечением материала как из мультилингвальных, так и (для сравнения) из билингвальных ситуаций.

На данном этапе подробный анализ контактных ситуаций в Мандрице и в Каракурте приводит нас к следующему заключению. Мультилингвизм части населения в Мандрице (владение турецким и/или греческим наряду с албанским и болгарским), скорее всего, не был решающим фактором при заимствовании и адаптации местоименных клитик, поскольку турецкий и греческий языки не использовались в коммуникации внутри сообщества. Грамматическое заимствование происходило в условиях албанско-болгарского двуязычия, где решающую роль играли неполное усвоение албанского языка как второго носителями болгарского и разная степень усвоения болгарского языка ранними и поздними албанскими билингвами. Трехязычие и относительно равновесный характер языковой ситуации в Каракурте, напротив, могли способствовать как заимствованию и адаптации болгарских местоименных клитик, так и внедрению модели с двойным маркированием посессора вследствие межъязыкового отождествления албанской, болгарской и гагаузской посессивных конструкций. При этом сценарий, предложенный в Rusakov, Morozova 2019, может описывать, по

меньшей мере, ситуацию «столкновения» албанско-болгарских билингов с гагаузским языком. В целом, как показывает наш пример, применение параметра (не)сбалансированности контактных ситуаций и учет их внутренней неоднородности позволяют пролить некоторый свет на механизмы возникновения в этих ситуациях сходных, но при ближайшем рассмотрении не вполне идентичных лингвистических следствий языкового контакта.

Литература

- Floqi, S. 1958: Skicë e së folmes së Dangëllisë. *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore* 3, 89–169.
- Gardani, F. 2008: *Borrowing of inflectional morphemes in language contact*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. 2015: Borrowed morphology: an overview. In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 1–23.
- Gjinari, J. 1960: Mbi të folmen e Devollit. *Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore* 4, 103–137.
- Kononov, A. N. 1996: [Turkish]. In: Tenishev, E. R. (ed.). *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki*. Moscow; Bishkek: ID “Kyrgyzstan”, 394–411.
- Кононов, А. Н. 1996: Турецкий язык. В сб.: Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). *Языки мира. Тюркские языки*. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 394–411.
- Kotova, N. V. 2018: [The language of Albanians in Ukraine in the middle of the XX century. Texts and glossary. Comments]. Moscow: LRC Publishing house: Languages of Slavic Cultures.
- Котова, Н. В. 2018: *Язык албанцев Украины в середине XX в. Тексты и словарь. Комментарии*. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры.
- Maslov, Yu. S. 2005: [Bulgarian]. In: *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki*. Ed. by Moldovan, A. M., Skorvid, S. S., Kibrik, A. A. et al. Moscow: Academia, 69–102.
- Маслов, Ю. С. 2005: Болгарский язык. В сб.: *Языки мира: Славянские языки*. Ред. кол.: Молдован, А. М., Скорвид, С. С., Кибрик, А. А. и др. М.: Academia, 69–102.
- Matras, Y. 2009: *Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Matras, Y. 2015: Why is the borrowing of inflectional morphology dispreferred? In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 47–80.
- Matras, Y., Sakel, J. 2007: Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in Language* 31 (4), 829–865.

- Morozova, M. 2021: “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in Southern Montenegro. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Boston, Berlin: de Gruyter Mouton, 89–134.
- Morozova, M. S. 2011: [Unpublished fieldwork materials. Karakurt, May 2011]. Морозова, М. С. 2011: *Неопубликованные полевые материалы. Каракурт, май 2011 г.*
- Morozova, M. S. 2016a: [Albanian dialect of Zhovtnevoye in contact: a view of data from expeditions of 2011–2013]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichestkikh issledovaniy RAN*, XII, 3, 147–168.
- Морозова, М. С. 2016а: Албанский говор села Жовтневого в условиях языкового контакта: по материалам экспедиций 2011–2013 годов. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, XII, 3, 147–168.
- Morozova, M. S. 2016b: [The Albanian language in Ukraine: a grammar review]. In: Novik, A. A., Morozova, M. S., Ermolin, D. S. (eds.). “*Priazovskiy otryad*”. *Yazyk i kultura albantsev Ukrainy*. Part 1, Vol. 2. Saint Petersburg: MAE RAS, 421–506.
- Морозова, М. С. 2016б: Говор албанцев Украины: Грамматический очерк. В кн.: Новик, А. А. (отв. ред.), Морозова, М. С., Ермолин, Д. С. (ред.). «*Приазовский отряд*». *Язык и культура албанцев Украины*. Часть 1, том 2. СПб.: МАЭ РАН, 421–506.
- Morozova, M. S., Novik, A. A. 2016: [A Short history of Albanian villages in Ukraine: Facts and myths]. In: Novik, A. A., Morozova, M. S., Ermolin, D. S. (eds.). “*Priazovskiy otryad*”. *Yazyk i kultura albantsev Ukrainy*. Part 1, Vol. 1. Saint Petersburg: MAE RAS, 219–276.
- Морозова, М. С., Новик, А. А. 2016: Краткая история образования албанских сел Украины: факты и мифы. В кн.: Новик, А. А. (отв. ред.), Морозова, М. С., Ермолин, Д. С. (ред.). «*Приазовский отряд*». *Язык и культура албанцев Украины*. Часть 1, том 1. СПб.: МАЭ РАН, 219–276.
- Morozova, M. S., Rusakov, A. Y. 2021: Societal multilingualism à la balkanique: the Montenegrin Velja Gorana and beyond. *International Journal of Bilingualism* 25 (4), 999–1018.
- Pokrovskaya, L. A. 1996: [Gagauz]. In: Tenishev, E. R. (ed.). *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki*. Moscow; Bishkek: ID “Kyrgyzstan”, 224–235.
- Покровская, Л. А. 1996: Гагаузский язык. В сб.: Тенишев, Э. Р. (отв. ред.). *Языки мира. Тюркские языки*. М.; Бишкек: ИД «Кыргызстан», 224–235.
- Rusakov, A. Y., Morozova, M. S. 2019: [Language contacts in trilingual communities: Matter borrowing in Balkan dialects]. In: Sedakova, I. A., Makartsev, M. M., Tsivyan, T. V. (eds.). *Balkanskiy tezaurus: kommunikatsiya v slozhno-kulturnykh obshchestvakh na Balkanakh*. Moscow: Institut Slavyanovedeniya, 75–81.

- Русаков, А. Ю., Морозова, М. С. 2019: Языковые контакты в условиях трилингвизма: заимствование «материи» (matter bogowing) в балканских диалектах. В сб.: Седакова, И. А. (отв. ред.), Макарец, М. М., Цивьян, Т. В. (ред.). *Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах*. М.: Институт славяноведения РАН, 75–81.
- Sokolova, B. 1983: *Die albanische Mundart von Mandritsa*. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz.
- Shuteriqi, Dh. 1965: Fshati shqiptar i Bullgarisë Mandrica, studim dhe tekste. *Studime filologjike* 1, 103–141.
- Tomić, O. M. 2006: *Balkan Sprachbund Morphosyntactic Features*. Dordrecht: Springer.
- Tomić, O. M. 2009: Clitic and Non-Clitic Possessive Pronouns in Macedonian and Bulgarian. In: Dimitrova-Vulchanova, M., Tomić, O. M. (eds.). *Investigations in the Bulgarian and Macedonian Nominal Expression*. Trondheim: Tapir Academic Press, 95–120.
- Thomason, S. G. 2015: When is the borrowing of inflectional morphology not dispreferred? In: Gardani, F., Arkadiev, P., Amiridze, N. (eds.). *Borrowed morphology*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 27–46.
- Thomason, S. G., Everett, D. L. 2001: Pronoun borrowing. In: Chang, Ch., Houser, M. J., Kim, Y., Mortensen, D., Park-Doob, M., Toosarvandani, M. (eds.). *Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 27. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 301–315.
- Voronina, I., Domosileckaja, M., Sharapova, L. 1996: *E folmja e shqiptarëve të Ukrainës*. Shkup: Shkupi.